

ВАЖНА ОБЪЕКТИВНОСТЬ КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г., ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Галина Николаевна РОМАНОВА,
кандидат исторических наук

В китайской историографии при рассмотрении советско (российско) — китайских отношений в 1917 — 1949 гг., в том числе с 1917 по 1922 гг. как начального этапа выделяются три взаимосвязанных аспекта: отношения, связанные с ходом революционного процесса в мире; отношения между нациями или соотношение национальных интересов; двусторонние отношения в связи с международной обстановкой.

Китайские ученые считают, что после Октябрьской революции для советского государства вопрос о революции, о мировой революции стоял на первом месте, имел приоритетное значение при подходе к вопросам международной ситуации и внешней политики. Что же касается Компартии Китая и китайской революции, т. е. главных революционных факторов в Китае, то китайские авторы констатируют, что «до 1949 г. Советский Союз оказывал довольно большую поддержку и помощь Компартии Китая и китайской революции, допуская при этом некоторые просчеты и делая это с определенными ограничениями». При этом имели место, как считают китайские ученые, взаимопомощь, взаимная заинтересованность. СССР оказывал поддержку революционным силам в Китае, исходя из своих интересов. Общее дело революции объединяло революционные силы в двух странах. Помощь со стороны СССР была значительной, но на первом месте должно ставить собственные силы китайской революции. Советская помощь в этом смысле вторична, дополнительна.

Значение Советской России, Советского Союза, Компартии Советского Союза для революционного процесса в Китае выглядит при этом существенно ограниченным, не соответствующим реальному положению дел в то время. Роль Октябрьской революции для мирового революционного процесса фактически замалчивается. Китайские авторы, видимо, полагают, что Октябрьская революция — общее достояние народов, сил социализма и прогресса, и при этом сожалеют, что советское государство, правительство, руководство, а в

дальнейшем партия в весьма значительной степени спекулировали на Октябрьской революции, не исходили из общих с другими народами интересов. Китайские авторы, в частности, пишут: «С 1917 г., после победы Октябрьской революции, в центре внешней политики Советской России находились соображения о том, как выйти из изолированного положения, в котором находилось единственное социалистическое государство, и как ускорить мировую революцию». Иначе говоря, интересы революции были подчинены национальным интересам в политике советского государства с самого момента его рождения. Революция, причем революция в других странах, мировая революция, рассматривается как средство, обеспечивавшее Советской России выход из изолированного положения на международной арене¹.

Китайские историки подчеркивают, что Советская Россия (Советский Союз) пыталась разжечь мировую революцию, сначала возлагая надежды на Европу, но ее расчет не оправдался. Лишь с 1923 г., т. е. когда в Китае уже два года существовала компартия, Советский Союз стал перемещать свое внимание на Восток, где его главной надеждой стал Китай. Революционное движение в Китае определяется китайскими историками как движение, возникшее самостоятельно, отдельно, на китайской почве, при отсутствии должного внимания и поддержки со стороны России, которой лишь в силу обстоятельств пришлось возложить свои надежды на Китай, на развитие революции в Китае.

Но и тут СССР, как считают китайские историки, допустил ошибку: «Советский Союз возлагал надежды главным образом на Гоминьдан и хотел, чтобы КПК опиралась на Гоминьдан». По мнению китайцев, надо было возлагать надежды на Компартию Китая по крайней мере наравне с Гоминьданом. СССР совершил просчет, недооценил КПК, и КПК пришлось самой родиться и достигать такой силы, что с ней пришлось считаться Советскому Союзу. Китайские историки утверждают: «Лишь после того, как Гоминьдан предал дело революции, Советский Союз стал связывать свои надежды с КПК и надеялся на скорейшую победу революции». Но эта новая ориентация СССР привела к появлению «левацких» уклонов в КПК.

Говоря о расхождениях между интересами народов Советского Союза и Китая, китайские историки пишут: «После Октябрьской революции Советская Россия в 1919 — 1920 гг. выступила с двумя декларациями, обращенными к Китаю, в которых выдвинула вопрос об аннулировании навязанных Китаю в эпоху царской России неравноправных договоров и особых прав России в Китае, о возвращении китайских территорий, захваченных царской Россией, но все это не нашло воплощения в жизни». Следовательно, с точки зрения китайских исследователей, расхождения между национальными интересами России и Китая — это прежде всего расхождения в вопросе о принадлежности территории той или иной нации, а точнее, разногласия между Россией и Китаем в вопросе о принадлежности территорий.

Национальные интересы своей страны китайские ученые в основном в 60—80-е годы сводили к вопросу о возвращении Китаю территорий, которые они считают исторически, по праву принадлежащими Китаю и якобы захваченными у него Россией. С точки зрения китайцев, в отношениях двух наций — российской и китайской — есть один главный вопрос, а именно территориальный. Вторым такого рода вопросом они считают необходимость признания российской нацией (советским народом) исторической несправедливости, совершенной предками последних в отношении Китая, состоявшей в «отторжении» Россией китайских земель.

В этой связи возникает вопрос о необходимости прочтения заново упомянутых двух деклараций, об анализе их содержания. Этими документами Совет Народных Комиссаров РСФСР и Народный Комиссариат по иностранным делам РСФСР в 1919 г. и в 1920 г. определяли политику по отношению к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая. Советское правительство предложило тогда китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией 1907 — 1916 гг. Советская Россия должна была отказаться от всего того, что царская Россия имела на территории Северо-Восточного Китая, т.е. от того, что следовало из соглашений между Россией, Китаем и Японией, заключенных в конце XIX в. и в начале XX в. Речь также шла и о договорах, касавшихся Монголии, и документах, подписанных после подавления восстания ихэтуаней (1899 — 1901 гг.)².

Советское правительство предлагало тогда китайскому народу вместе осуждать международную или межгосударственную несправедливую политику, которую проводили совместно империалисты нескольких стран, включая царскую Россию. Речь не шла о несправедливости по отношению к Китаю России отдельно от Японии и империалистических стран Запада. В.И. Ленин, в частности, никогда не считал, что у России есть национальные долги перед Китаем. Нигде он не говорил о вине русской нации перед китайской нацией, нигде речь не шла о границах между Россией и Китаем. Более того, выдвигался принцип, согласно которому любой народ, большой или малый, имел право путем свободного волеизъявления решить, в границах какого государства ему быть.

Китайские историки употребляют определение «несправедливые», когда речь идет о русско-китайских договорах о границе, но в документах советской стороны, датированных 1919 и 1920 гг., нет упоминания об этих договорах, о границе и тем более нет их характеристики как несправедливых. Ученые КНР исходят из того, что сначала следует решить вопрос о задолженности российской нации, которая должна-де признать свои несправедливые действия в отношении Китая в прошлом, признать, что Россия захватила китайские территории и навязала Китаю несправедливые договоры о границе, и только при этом условии китайская сторона может считать, что исторические разногласия между нациями устранены и только таким образом могут быть созданы условия для установления и развития отношений между народами. С советской стороны ключевыми понятиями, определявшими главное в советско-китайских отношениях, — это «общность» и «народ», а со стороны авторов китайских работ преимущественно 60—80-х годов XX в. — «разногласия» и «нации»³.

Значительный интерес в китайской историографии представляет проблема КВЖД. Хотя, как считают историки КНР, до 1970-х годов, в период дружественных отношений СССР и Китая данная тема была всесторонне исследована в работах тайваньских историков (гоминьдановская историография), и только во время идеологических разногласий между КПК и КПСС такая тема появилась и у историков КНР.

Известный китайский историк Сюэ Сяньтянь отмечает, что проблема КВЖД была «одной из самых важных неразрешимых проблем во взаимоотношениях России и Китая». В ее основе, по мнению этого ученого, лежали неравноправные договоры, навязанные Китаю царским правительством в конце XIX — первом десятилетии XX в. Именно согласно им стало возможным

строительство в Маньчжурии русской железной дороги, военно-стратегической и экономической целью которого было «усиление военного положения России на Дальнем Востоке...»⁴

По мнению другого китайского историка Чжан Туна, построив КВЖД руками китайских рабочих на китайской территории, Россия превратила ее в «государство в государстве (отчуждение земли, экстерриториальность русского населения, экономические привилегии, русская полиция и войска охраны, управление и т. д.), нарушив тем самым суверенные права Китая. Чжан Тун полагает, что, несмотря на поражение России в русско-японской войне 1904 — 1905 гг., «русское господство в Северной Маньчжурии было устойчивым» и только первая мировая война и «бурные волны революции 1917 г. предоставили китайскому правительству и местным властям северо-восточных провинций возможность начать борьбу за возвращение своих прав на КВЖД»⁵.

Характеризуя причины строительства в Маньчжурии русской железной дороги и ее эксплуатацию в дореволюционный период, китайские историки делают однозначный вывод об агрессивных целях царской России в Маньчжурии, ее стремлении с помощью КВЖД создать базу для продолжения своей империалистической политики в Китае. Это представляло собой угрозу национальным интересам Китая, что предопределило его борьбу за восстановление своего суверенитета в зоне КВЖД и передачу дороги Китаю.

С точки зрения китайских историков, сразу же после победы большевистской революции в Петрограде возникла проблема КВЖД. Как отмечается в коллективной работе ученых КНР, конфликт двух стран вокруг КВЖД «начал принимать все более ожесточенный характер». Они полагают, что это было связано с деятельностью «созданного вопреки здравому смыслу Харбинского совета», считавшего по указанию советского правительства, КВЖД частью российской территории и взявшего курс на вооруженный захват дороги»⁶. Приказ о захвате власти в Харбине и полосе отчуждения КВЖД исходил лично от главы советского правительства В.И. Ленина, что, по мнению Сюэ Сяньтяня, свидетельствовало о «наследовании» большевиками «агрессивности царской России» в Маньчжурии и «явилось промахом Ленина». Китайские власти решительно и быстро пресекли попытку захватить дорогу. По просьбе союзников (США, Англия, Франция и Япония) они ввели свои войска в зону КВЖД. В противном случае, считает Сюэ Сяньтянь, под предлогом борьбы с большевизмом дорога могла оказаться захваченной Японией, чьи солдаты «стали бы ее новыми хозяевами». Он делает вывод, что возвращение Китаю права охраны КВЖД означало «начало конца колониальной политики Хорвата (управляющего дороги), т.е. периода неравноправных договоров, навязанных Китаю Россией»⁷.

Китайские историки считают, что в правомерности своих действий Китай убедился на состоявшихся в Петрограде в январе-феврале 1918 г. советско-китайских неофициальных переговорах. На них Советская Россия не выступила с протестом против разгона китайскими властями Харбинского совета. Сюэ Сяньтянь указывает, что советские представители выразили «понимание в деле расформирования совета» и заявили о поддержке советским правительством идеи «возвращения суверенитета Китая» в зоне КВЖД. Несмотря на то, что данные переговоры были прерваны, по мнению китайских историков, они принесли Китаю несомненный дипломатический выигрыш: правительство Советской России согласилось с эвакуацией русских войск из полосы отчуждения и заменой их китайскими войсками»⁸.

В период иностранной интервенции против РСФСР, полагают китайские исследователи, перед Китаем в вопросе о КВЖД стояла задача сохранения ее от захвата Японией, белогвардейцами и союзными державами. Китайские власти были вынуждены мириться с присутствием на КВЖД войск интервентов и отрядов Семенова. Действия Семенова и Хорвата, превратившие полосу отчуждения в базу русской контрреволюции на Дальнем Востоке, представляли опасность для суверенитета Китая и Маньчжурии. Но поскольку за спиной белогвардейцев стояли союзники, китайские власти могли применять лишь некоторое ограничение их деятельности. Открытое выступление китайского правительства против Семенова и Хорвата сразу привело бы к захвату КВЖД японскими войсками. Вместе с тем китайские историки, например Лю Янь, заключают, что пекинское правительство решительно отстаивало, насколько это было возможно в тех условиях, слишком откровенные посягательства иностранных держав на КВЖД, рассматривая «права каждой страны в зоне КВЖД как отношения союзнические и отношения деловых обязательств»⁹.

Большое внимание в китайской историографии (гоминьдановской и КНР) уделяется анализу обстоятельств появления первых деклараций РСФСР Китаю от 15 июля 1919 г. и 27 сентября 1920 г. По мнению китайских историков, эти документы преследовали две цели: «Прорвать блокаду» великих держав, заставить Китай признать советское правительство» и «стимулировать антиимпериалистические настроения китайцев»¹⁰. Согласно первой декларации, «советская сторона передавала КВЖД безо всякого вознаграждения Китаю». Однако, по мнению китайских историков, пекинское правительство не откликнулось из-за боязни, что в этом случае Семенов и Япония под предлогом нарушения Китаем его союзнических обязательств в общей антибольшевистской борьбе могли выступить против китайских властей в зоне КВЖД, а это «принесло бы несомненную выгоду восточному наступлению Красной Армии». Историки КНР считают, что тактика «непонимания» китайским правительством советских предложений, изложенных в первой декларации Л.М. Каракхана, была единственно возможной в той ситуации. Что касается декларации от 27 сентября, то в отношении КВЖД она уже предлагала лишь «совместное использование дороги в интересах РСФСР, Китая и ДВР», т. е. Советская Россия фактически отказывалась от своего прежнего обещания вернуть дорогу Китаю. Китайские историки причину этого отказа видят в победе советской власти в гражданской войне¹¹.

Оценка первых деклараций РСФСР как орудий коммунистической пропаганды прочно утвердилась в гоминьдановской историографии, работах тайваньских и гонконгских историков. Так, Хуан Тунцю указывает: «Советскому правительству было необходимо получить признание Китая, чтобы использовать дипломатические учреждения бывшей царской России в Китае... в качестве центров для развертывания деятельности Коминтерна»¹². Один из современников событий, лидер Гоминьдана Чан Кайши в своей работе «Советская Россия в Китае», касаясь деклараций 1919 — 1920 гг., с уверенностью утверждал, что существовал особый дипломатический план РСФСР в отношении Китая, основным содержанием которого была организация подрывной работы против Китайской Республики с помощью Коминтерна. Этот план соответствовал тактике мировой революции», — заключал Чан Кайши¹³.

Китайские ученые выделяют несколько основных причин, по которым пекинское правительство пошло на установление первых неофициальных дипломатических контактов с РСФСР, в том числе и по вопросу о КВЖД. Главны-

ми из них были победа Советской России в гражданской войне и смена обанкротившейся участью в интервенции против РСФСР аньфуистской клики, контролировавшей пекинское правительство. Китай и Советская Россия пытались наладить свои отношения через ДВР (хотя последняя в вопросе о КВЖД и сделала ошибку, объявив полосу отчуждения дороги частью своей территории). Но в тех условиях для пекинского правительства это был наиболее приемлемый способ не дать повода к недовольству и вмешательству великих держав, и прежде всего Японии, в двусторонние отношения по проблеме КВЖД¹⁴. Характеризуя деятельность миссии ДВР в Китае, историки КНР указывают на двусмысленную позицию в ходе переговоров о КВЖД главы миссии И.Л. Юрина. Так, Ли Цзягу утверждает, что последний сначала заявлял, о том, что «после заключения торгового договора КВЖД перейдет в полное владение Китая или совместное управление», однако затем отказался от данного заявления и «отрицал возможность полного перехода КВЖД к Китаю»¹⁵.

Какаясь первой миссии РСФСР в Китае во главе с А.К. Пайкесом и миссий ДВР, китайские историки отмечают также, что пекинское правительство не спешило с переговорами, так как к этому времени оно уже фактически вернуло себе КВЖД и успешно бойкотировало проект западных стран о международном «совместном управлении дорогой». В итоге данными миссиями вопрос о КВЖД решен не был. Анализируя деятельность в Китае полпреда Советской России А.А. Иоффе, китайские историки указывают на факт изменения РСФСР прежней позиции в вопросе о КВЖД. По их мнению, новая линия предусматривала отказ советского правительства от безвозмездного возвращения дороги Китаю¹⁶.

В № 3 журнала «Новая и новейшая история» за 1997 г. была опубликована статья Линь Цзюня «Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам Архива МИД России». Концепция статьи состоит в том, чтобы обосновать тезис о наличии со стороны советского правительства якобы империалистических устремлений в отношении Китая в 1920-х годах. Империализм усматривался в наличии экономических интересов и материальной заинтересованности в вопросе о функционировании КВЖД. Линь Цзюнь акцентирует внимание на взглядах А.А. Иоффе на желательный, с его точки зрения, курс в отношении Китая, который бы позволил сделать Китай козырем в антиимпериалистической борьбе России с Японией, США и другими державами за роль и влияние на Дальнем Востоке. Такой курс предусматривал бы «пожертвование даже кое-какими интересами в Китае и Монголии» и прежде всего экономическими и военными.

Между тем вопрос о дискуссиях по КВЖД трудно отделять от анализа существа секретного договора 1896 г. с Китаем о союзе и постройке дороги, который предусматривал и создание военного союза двух государств. Линь Цзюнь старается указать на разные подходы в отношении судьбы КВЖД между руководством Наркомата иностранных дел и Наркомата финансов Советской России в то время как шли дискуссии перед принятием решения, которые были учтены в 1924 г. при заключении советско-китайских соглашений по КВЖД. Не нашло места в статье и обоснование того, что уже в самом договоре 1896 г. были заложены позиции о бесплатной передаче КВЖД Китаю через определенный срок и о возможности выкупа железной дороги Китаем в более ранние сроки. Вместе с тем статья представляет интерес тем, что она вводит в научный оборот новые источники из Архива внешней политики РФ¹⁷.

В коллективном труде под редакцией Мэн Сяньчжана «История китайско-советских торгово-экономических отношений», опубликованной в Харбине в 1992 г., основной акцент сделан на динамике торговли России и Советского Союза с Китаем с XVII в. по 80-е годы XX в. Вопрос КВЖД рассматривается не как самостоятельный аспект, а только во взаимосвязи с развитием российско-китайских торговых связей. Политическим процессам между странами, установлению дипломатических отношений в работе практически не уделяется внимания. Вместе с тем прослеживается позитивное отношение к Октябрьской революции; подчеркивается, что взаимоотношения Советской России и Китая в значительной степени складывались под воздействием Англии, Франции, США, Японии и др.; интервенцию против Советской России Китай совершал под давлением реакционного бэйянского правительства (северных милитаристов). В целом работа представляет значительный интерес для исследования российско-китайских торгово-экономических отношений¹⁸.

Коллективная работа под редакцией Цюнь Чуньту и Лу Наньцюаня «Китайско-российские торгово-экономические отношения», опубликованная в Пекине в 1999 г., посвящена современному состоянию экономических взаимоотношений двух стран, хотя имеются и краткие предьстории и характеристика различных этапов этих отношений. Что касается периода 1917 — 1924 гг., то отмечается, что в это время бэйянские милитаристы проводили экономическую блокаду в отношении Советской России. Вследствие одновременных гражданских войн в Китае и России были почти полностью прерваны торговые пути, увеличилась девальвация рубля, что значительно повлияло на торговлю двух стран. Проблема КВЖД не рассматривается, в том числе и в связи с торговыми связями¹⁹.

Таким образом, подводя итог некоторому анализу китайской историографии по проблемам Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке с учетом переосмысления различных аспектов во взаимоотношениях России и Китая, исторических процессов в России, можно констатировать следующее. В целом китайские историки позитивно оценивают Октябрьскую революцию, считая ее достоянием всех прогрессивных сил. Внешняя политика и первые декларации РСФСР 1919 — 1920 гг., затрагивавшие проблему КВЖД, в большей степени оцениваются как продолжение империалистической политики царской России. Для Китая проблема КВЖД связывалась с нарушением суверенитета, который он стремился восстановить, хотя сам был заинтересован в строительстве дороги, имея свои экономические и геополитические интересы.

Для России КВЖД — это прежде всего государственная собственность на территории Северо-Восточного Китая, с которой необходимо было поступать в соответствии с контрактом на строительство дороги и обеспечивать собственные интересы страны.

В китайской историографии подчеркивается, что внешняя политика Китая по отношению к Советской России проводилась под большим давлением союзных держав и северных милитаристов. В китайской историографии прослеживается неудовлетворенность недостаточным вниманием Советской России, ее Коммунистической партии к КПК в противовес Гомиьндану. Все эти концепции наиболее остро ставились китайскими учеными в 1960 — 1980-е годы. В современной историографии многие оценки сохраняются, хотя и в более сдержанных тонах. Вместе с тем с учетом переосмысления историчес-

ких процессов в России и в российско-китайских межгосударственных отношениях можно признать объективными ряд аспектов, которые утверждаются в китайской историографии, в частности, неправомочность установления советской власти в зоне КВЖД, включение зоны КВЖД в сферу территории ДВР и пропаганду идеи «мировой революции», которую в определенной степени проводило советское правительство в отношении Китая с помощью Коминтерна.

- ¹ Чжаньхоу шицзе чжэчжи цзинци юй гоци гуаньси (Политика и экономика в послевоенном мире и международные отношения). Харбин, 1987. С. 266, 366. Кит. яз.; Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. М., 1922. Т. 1. С. 18—19.
- ² Чжаньхоу шицзе чжэнчжи... С. 266. Кит. яз.; Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки»... С. 20—21, 24—25, 28—30.
- ³ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки»... С. 32, 38—39.
- ⁴ Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу цзюнь юй Дунбэй бяньцзян чжэнцзюй (Охранные войска на КВЖД и политическая обстановка в приграничных районах Северо-Востока). Пекин, 1993. С. 17—18, 216. Кит. яз.; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме КВЖД // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1996. С. 159—160.
- ⁵ Чжан Тун. Няньшидай шоухуэй Чжундун телу буфан лиуцзян шикун шулюе (Кратко об истории возвращения в 20-х годах части прав и привилегий на КВЖД) // Хаэрбин ши чжи. 1984. № 1. С. 26—27.
- ⁶ Ли Цзягу. Шиюэ гэмин хоу чжунсу гуаньюй чжундун телу вэньтидэ цзюшэ (Китайско-советские переговоры по вопросу КВЖД после Октябрьской революции) // Цзиньдай ши яньцзю. 1989. № 2. С. 227; Чжунго вайцзю ши. История внешней политики Китая. Хэнань, 1990. Т. 2. С. 89.
- ⁷ Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу... С. 188, 196, 200; Романова Г.Н. Россия и Китай: проблема КВЖД: Концепции отечественной и китайской историографии 1917 — 1920 гг. // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 81.
- ⁸ Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу... С. 188, 196, 221; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме... С. 161.
- ⁹ Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу... С. 222, 283—284, 303, 309; Лю Янь. Чжунго вайцзю ши (История внешней политики Китая). Тайбэй, 1962. С. 777.
- ¹⁰ Ли Цзягу. Шиюэ гэмин хоу... С. 228; Хуан Тунцю. Эго цинь Хуа шидэ тоуши (Очерк истории русского империализма в Китае). Сянган, 1953. С. 84; Цзян Цзэши (Чан Кайши). Су Э цзай Чжунго (Советская Россия в Китае). Тайбэй, 1957. С. 13—15.
- ¹¹ Чжунго вайцзю ши... С. 90; Сулянь юй чжунго гэмин (Советский Союз и китайская революция). Пекин, 1994. С. 25—26; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме... С. 161—162.
- ¹² Хуан Тунцю. Эго цинь Хуа... С. 84; Романова Г.Н. Россия и Китай: проблема КВЖД... С. 86.
- ¹³ Цзян Цзэши (Чан Кайши). Су Э цзай... С. 13.
- ¹⁴ Сулянь юй чжунго... С. 25—26, 27, 31; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме... С. 162.
- ¹⁵ Ли Цзягу. Шиюэ гэмин хоу... С. 231—232.
- ¹⁶ Сулянь юй чжунго... С. 76—77.
- ¹⁷ Линь Цзюнь. Советская дипломатия и Китай в 20-е годы: По документам Архива МИД России // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 46—57.
- ¹⁸ Чжунсу цзинци маои ши (История китайско-советских торгово-экономических отношений). Харбин, 1992. С. 224—228.
- ¹⁹ Чжун-э цинмао гуаньси (Китайско-российские торгово-экономические отношения). Пекин, 1999. С. 140.

SUMMARY: In the article «The Objectivity is Important Factor» Candidate of Historical Sciences Galina Romanova analyzes Chinese historiography dealing with the October Revolution 1917, Civil war, intervention in the Far East of Russia, the events on the Chinese Eastern Railway. Quoting the works by Chinese historians, in one case the author argues, and in the others agrees with them. In general she appreciates the aspirations of Chinese colleagues to the objectivity.